

УДК 94(47)

ЕЩЕ РАЗ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ ИЗ Н.М. КАРАМЗИНА В «ИСТОРИИ АДЫХЕЙСКОГО НАРОДА» Ш. НОГМОВА

Аннотация: в статье рассмотрена история обращения исследователей к проблеме заимствований из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина в тексте «Истории адыгейского народа» Ш. Ногмова. Сравниваются разные точки зрения по этому вопросу. Статья дополнена таблицей, позволяющей сравнить соответствующие тексты Н.М. Карамзина и Ш. Ногмова.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, Ш. Ногмов, историография, источник.

Кошокова С.Я.,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
Кубанского государственного
аграрного университета
(Краснодар)

Koshokova S.Y.,
candidate of historical sciences,
senior teacher Kuban State
Agricultural University

ONCE AGAIN ABOUT THE LOANS FROM N. M. KARAMZIN'S WORK IN «THE HISTORY OF ADYGH PEOPLE» BY SH. NOGMOV

Summary: the history of the researchers addressing to the problem of loans from the work of N. M. Karamzin «The History of the Russian State» in the text «The History of the Adygh people» by Sh. Nogmov is considered in the article. The different points of view on this matter are compared. The article is added with the table that allows comparing N. M. Karamzin and Sh. Nogmov's corresponding texts.

Keywords: N. M. Karamzin, Sh. Nogmov, historiography, source.

Как известно, в XIX в. произошел «прорыв» русской исторической науки. Это проявлялось во многих аспектах: усиление интереса к истории в обществе, появление профессиональных историков, увеличение количества исторических работ, развитие сети архивов, появление научных журналов и различных исторических обществ. Самым значимым явлением русской исторической науки первой половины XIX в. стало творчество Н.М. Карамзина.

В адыгской историографии не раз поднимался вопрос о влиянии Н.М. Карамзина на Ш. Ногмова. Впервые эта тема была затронута П.Г. Бутковым [2]. Он указал на заимствования из Карамзина. Упомянул о заимствованиях также А.Г. Кешев [6]; о влиянии на него сочинения Карамзина писал В. Миллер [7]. В советское время к этой проблеме обращались Б.А. Гарданов [3] и А.Т. Шортанов [9; 10], в постсоветское Б.М. Боук [1].

В тексте Ш. Ногмова есть целые отрывки, почти дословно совпадающие с текстом «Истории государства Российского». Исследователи не раз обращали внимание на эти совпадения и пытались выяснить причины столь вольного использования Ш. Ногмовым текста Н.М. Карамзина. Некоторые из

них на основании этих совпадений обвиняют Ш. Ногмова в том, что он «сознательно использовал и перерабатывал цитаты и целые отрывки из работы Карамзина без упоминания их настоящего источника» и в связи с этим делают вывод, что «Историю адыгейского народа» «нельзя считать <...> источником истинных фольклорных материалов» [1. С. 66–67]. При этом Б.М. Боук приписывает себе открытие этих заимствований и удивляется, что «ученые до сих пор не обратили внимание на сходство», хотя примеры и анализ заимствований можно найти в статье Б.А. Гарданова [3].

Исследователь не учитывает существовавшей в тот период историографической традиции, по которой указание источника не считалось обязательным, даже если он указывался, обычно ограничивались фамилией автора. К тому же использование текстов предшественников не было чем-то из ряда вон выходящим, а входило в обычный набор приемов исследователя, что не однажды встречается, в том числе и в работах по Северо-Западному Кавказу. Другое дело, что Ш. Ногмов переносит описания Н.М. Карамзина со славян на адыгов. Большая часть этих заимствований сосредоточена во II главе «Истории адыгейского народа». Они касаются наружности, способа ведения войны, храбрости, славолубия, гостеприимства, мести, браков, жилища, управления. Источником послужила третья глава первого тома произведения Н.М. Карамзина [4. С. 62–66]. Представляется достаточно обоснованным мнение Б.А. Гарданова о том, что Ш. Ногмов «берет у Карамзина лишь те тексты, в которых описываются черты, действительно общие для быта древних славян и адыгов» и обусловлено это было недостаточным владением Ш. Ногмовым русской письменной речью [3. С. 13,15].

В отношении исторических личностей, описания которых в некоторых случаях Ш. Ногмовым также заимствованы у Н.М. Карамзина, действовал тот же принцип. В пользу этого говорит воспоминание одного анонимного автора, неоднократно беседовавшего с Ш. Ногмовым: «...по словам Шоры Бек-Мурзина <...> Темрюк строгою, скромною жизнью напоминал русского князя Святослава» [10, с. 7]. Но там, где наблюдались различия или у адыгов существовал оригинальный обычай, Ш. Ногмов давал свое собственное описание. На этом основании вполне верным является вывод Б.А. Гарданова: «Таким образом, Ногмов в своих этнографических характеристиках берет у Карамзина, как правило, только те фразы, слова, выражения, которые абсолютно не нарушают верности изображения адыгейского быта, и затем смело отступает от своего образца, как только конкретный материал требует описания оригинального обычая» [3, с. 15].

Конечно, Ш. Ногмов при изложении народных преданий и их сопоставлении с имеющимися данными в письменной традиции не избежал ошибок. Так, опираясь на простое созвучие имен, он отождествил кабардинского князя Лавристана со славянским Лавритасом. Но это говорит не о плагиате, а, скорее, о нехватке специальных познаний или методологической неподготовленности для сопоставления фольклорных и письменных сведений, принадлежащих, к тому же, разным народам.

Сравнение текстов Н.М. Карамзина и Ш.Б. Ногмова

Н.М. Карамзин: «... славяне мало пеклись о своей наружности: в грязи, в пыли, без всякой опрятности в одежде являлись во многочисленном собрании людей. Греки, осуждая сию нечистоту, хвалят их стройность, высокий рост и мужественную приятность лица» [5, кн. 1, гл. 3, с. 70].

Ш.Б. Ногмов: «Адыхе **мало** заботятся о чистоте **своей наружности**, часто покрытые **грязью и пылью**, они **являются в многочисленном собрании**, где беспорядок одежды нисколько не предосудителен. Все хвалят нашу стройность, высокий рост и мужественную осанку» [8. Гл. 2. С. 66].

Н.М. Карамзин: «...сражались не стеною, не рядами сомкнутыми, но толпами рассеянными и всегда пешие, следуя не общему велению, не единой мысли начальника, а внушению своей особенной, личной смелости и мужества; не зная благоразумной осторожности, которая предвидит опасность и бережет людей, но бросаясь прямо в средину врагов. Чрезвычайная отважность славян была столь известна, что хан аварский всегда ставил их впереди своего многочисленного войска» [5, кн. 1, гл. 3, с. 71].

Ш.Б. Ногмов: «Адыхе, отправляясь на войну, избирали вождей и сражались рассеянными конными или пешими толпами, следовали в своих действиях не общему плану, а мгновенному внушению предводителей, которые руководствовались отважностью и мужеством, не зная никогда благоразумной осторожности. Адыхе славились храбростью и безответным мужеством <...> От этого хан Байкан ставил всегда наших предков в передовом войске» [8, гл. 2, с. 66].

Н.М. Карамзин: «Византийские историки пишут, что славяне сверх их обыкновенной храбрости имели особенное искусство биться в ущельях, скрываться в траве, изумлять неприятелей мгновенным нападением и брать их в плен <...> Древнее оружие славянское состояло в мечах, дротиках, стрелах, намазанных ядом, и в больших, весьма тяжелых, щитах» [5, кн. 1, гл. 3, с. 71].

Ш.Б. Ногмов: «Кроме природного мужества, адыхе отличались особенным искусством драться в ущельях, скрываться в кустарниках и лесах, лазить по стремнинам и непроходимым местам. Древнее вооружение состояло из копья, дротика, меча, стрелы и палицы. Оборонительное оружие заключалось в шлемах, латах и в больших весьма тяжелых щитах» [8, гл. 2, с. 67].

Н.М. Карамзин: «Храбрость, всегда знаменитое свойство народное, может ли в людях полудиких основываться на одном славолубии, сродном только человеку образованному? Скажем смело, что она была в мире злодейством прежде, нежели обратилась в добродетель, которая утверждает благоденствие государств: хищность родила ее, корыстолюбие питало. Славяне, ободренные воинскими успехами, через некоторое время должны были открыть в себе гордость народную, благородный источник дел славных: ответ Лавритаса послу Баянову доказывает уже сию великодушную гордость; но что могло сначала вооружить их против римлян? Не желание славы, а желание добычи, которою пользовались готфы, гунны и другие народы; ей жертвовали славяне своей жизнью, и никаким другим варварам не уступали в хищности» [5, кн. 1, гл. 3, с. 71].

Ш.Б. Ногмов: «Храбрость рождает славолубие; уверенность в себе дает человеку характер самостоятельный. Адыхе были великодушны и чужды низких страстей. Они гордились своею славой и воинскими подвигами. Вспомним прекрасный ответ Лавристана и других вождей на требование дани и покорности послам аварским: «Не дадим дани, доколе останется хоть один меч, доколе останется хоть один из нас в живых» [8, гл. 2, с. 67].

Н.М. Карамзин: «Современный историк говорит, что они **не знали ни лукавства, ни злости; хранили древнюю простоту нравов, не известную тогдашним грекам**» [5, кн. 1, гл. 3, с. 72].

Ш.Б. Ногмов: «Предание повествует, что адыхе **не знали ни лукавства, ни злобы и дорожили древней простотой нравов, соответствовавшей тогдашнему образу жизни**» [8, гл. 2, с. 67].

Н.М. Карамзин: «Всякий путешественник был для них как бы священным: встречали его с ласкою, угощали с радостью, провожали с благословением и сдавали друг другу на руки. Хозяин ответствен за безопасность чужеземца, и кто не умел сберечь гостя от беды или неприятности, тому мстили соседи за сие оскорбление как за собственное <...> Купцы, ремесленники охотно посещали славян, между которыми не было для них ни воров, но разбойников; но бедному человеку, не имевшему способа хорошо угостить иностранца, позволялось украсть все нужное для того у соседа богатого: важный долг гостеприимства оправдывал и самое преступление» [5, кн. 1, гл. 3, с. 72–73].

Ш.Б. Ногмов: «Память прежнего гостеприимства сохранилась в преданиях о тогдашних нравах. Несмотря на все бедствия и политические перевороты, эта добродетель не ослабела и ныне. Для нас **всякий путешественник, переступивший порог сакли, есть лицо священное. Его встречают ласково, угощают радушно, дают ему лучшее ложе, провожают с благословением и передают для безопасности друг другу на руки. Хозяин отвечает перед всем народом за безопасность чужеземца, и кто не сумел сберечь гостя от беды, или даже простой неприятности, того судили и наказывали.**

Чужеземные купцы и ремесленники охотно посещали адыхов, потому что не опасались разбоя и воровства. Бедному переселенцу из чужих стран позволялось красть в течение шести или семи лет, для поправления своего состояния. Но по истечении срока, положенного обычаем, запрещалось прибегать к этому средству обогащения» [8, гл. 2, с. 67].

Н.М. Карамзин: «Древние писатели хвалят целомудрие не только жен, но и мужей славянских <...> Они считали жен совершенными рабами, во всяком случае безответными; не позволяли им ни противоречить себе, ни жаловаться; обременяли их трудами, заботами хозяйственными и воображали, что супруга, умирая вместе с мужем, должна служить ему и на том свете. Сие рабство жен происходило, кажется, оттого, что мужья обыкновенно покупали их...» [5, кн. 1, гл. 3, с. 73].

Ш.Б. Ногмов: «Адыхе также славились своим целомудрием <...> Мужья считают жен совершенными рабынями; во всяком случае, они должны оказывать во всем безусловное повиновение; им не

только не позволяется противоречить, но даже произносить жалобы <...> Рабство жен, без сомнения, происходит от обычая, существующего и ныне, – платить отцам за невест скотом, лошадьми и вещами так называемую уасса, т.е. «калым» [8, гл. 2, с. 68].

Н.М. Карамзин: «...славяне, подобно другим народам языческим, стыдились забывать обиду. Страх неумолимой мести отвращал иногда злодеяния: в случае убийства не только сам преступник, но и весь род его беспрестанно ожидал своей гибели от детей убитого, которые требовали крови за кровь» [5, кн. 1, гл. 3, с. 74].

Ш.Б. Ногмов: «Адыхе стыдились забывать обиды или оскорбления и старались за них мстить. В случае убийства или нанесения раны, обиженные искали случая и средства отомстить не только виновному, но и всему его роду. Дети и родственники мстили кровью за кровь» [8, гл. 2, с. 69].

Н.М. Карамзин: «Древляне же имели обычаи дикие <...> не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов, но уводили или похищали девиц. Северяне, радимичи и вятичи уподоблялись нравам древлян <...> Молодые люди обоего пола сходились на игрища между селениями: женихи выбирали невест и без всяких обрядов соглашались жить с ними вместе; многоженство было у них в обыкновении» [5, кн. 1, гл. с. 74].

Ш.Б. Ногмов: «Простой народ, более дикий, не знал браков, основанных на согласии родителей и супругов, и имел в обыкновении тайно похищать жен и девиц. Молодые люди обоего пола сходились на игрища в селениях. Мужчины выбирали невест и без всякого обряда соглашались жить вместе» [8, гл. 2, с. 70].

Н.М. Карамзин: «Сии три народа, подобно древлянам, обитали во глубине лесов, которые были их защитой от неприятелей и представляли им удобность для звериной ловли. Они строили бедные свои хижины в местах диких, уединенных, среди болот непроходимых, так что иностранец не мог путешествовать в их земле без вожатого. Беспреданно ожидая врага, славяне брали еще и другую предосторожность: делали в жилищах своих разные выходы, чтоб им можно было в случае нападения тем скорее спастись бегством, и скрывали в глубоких ямах не только все драгоценные вещи, но и самый хлеб» [5, кн. 1, гл. 3, с. 74–75].

Ш.Б. Ногмов: «Из множества племен адыхов, живущих за Кубанью, кяхе, или нынешние шапсуги, обитали в горных ущельях или в глубине лесов, которые защищали их от неприятеля и представляли удобства для звериной ловли. Они строили хижины в диких и уединенных местах, среди непроходимых болот, так что трудно было путешествовать в их земле без вожатого. Убежища эти служили им оградой от беспреданно ожидаемого врага. Они брали еще другие предосторожности: делали в жилищах разные выходы, чтобы в случае нападения иметь возможность скорее спастись бегством. Имущество, лучшие вещи и хлеб скрывали в пещерах или глубоких ямах; скот угоняли в леса» [8, гл. 2, с. 70].

Н.М. Карамзин: «Сей народ, подобно всем иным, в начале гражданского бытия своего не знал выгод правления благоустроенного, не терпел ни властелинов, ни рабов в земле своей и думал, что свобода дикая, неограниченная есть главное добро человека. Хозяин господствовал в доме: отец над детьми, муж над женою, брат над сестрами; всякий строил себе хижину особенную, в некотором отдалении от прочих, чтобы жить спокойнее и безопаснее. Лес, ручей, поле составляли его область, в которую страшались зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою, независимую республикою; но общие древние обычаи служили между ними некоторою гражданскою связью. В случаях важных единоплеменные сходились вместе советоваться о благе народном, уважая приговор старцев, сих живых книг опытности и благоразумия для народов диких; вместе также предпринимались воинские походы, избирали вождей, хотя любя своевольство и боясь всякого принуждения, весьма ограничивали власть их и часто не повиновались им в самых битвах. Совершив общее дело и возвратясь домой, всякий опять считал себя большим и главою в своей хижине» [5, кн. 1, гл. 3, с. 79].

Ш.Б. Ногмов: «Народ наш не имел гражданского устройства и, не зная выгод правительства сильного, не терпел неограниченных владетелей в земле своей и думал, что лучшее благо для человека есть дикая и необузданная свобода. Но в семействе старший имел власть неограниченную: отец над детьми, муж над женою, брат над сестрой. Всякий избирал место жительства и строился где хотел. Но общий древний обычай служил между ними общественной связью. В важных случаях единоплеменные сходились для совещаний, и народ уважал приговор старцев. С общего согласия предпринимали воинские походы, избирали вождей; но будучи привязаны к независимости, весьма ограничивали их власть и часто не повиновались им даже во время самих битв. Совершив общее дело и возвратясь домой, вся-

кий считал себя господином и владыкой в своей хижине» [8, гл. 2, с. 73].

Н.М. Карамзин: «История сего времени упоминает об антах, которые, по известиям Иорнанда и византийских летописцев, принадлежали вместе с венедами к народу славянскому. Винитар, наследник Эрманариха, царя готфского, был уже данником гуннов, но хотел еще повелевать другими народами: завоевал страну антов, которые обитали на севере от Черного моря (следственно, в России), и жестоким образом умертвил их князя, именем Бокса, с семьюдесятью знатнейшими боярами. Царь гуннский, Баламбер, вступился за утесненных и, победив Винитара, освободил их от ига готфов» [5. Т. 1, гл. 1, с. 48–49].

Ш.Б. Ногмов: «История сего времени упоминает об антах, которые, по известиям Иорнанда и византийских летописцев, принадлежали вместе с венедами к народу славянскому. Венитер, наследник Германриха, царя Готфского, был уже данником гуннов, но хотел еще повелевать другими народами: завоевал страну антов, которые обитали на севере от Черного моря и жестоким образом умертвил их князя, именем Бокса, с семьюдесятью знатнейшими боярами. Царь гуннов, Баламбер, вступился за утесненных и, победив Венитера, освободил их от ига готфов» [8, гл. 3, с. 82].

Н.М. Карамзин: «Через несколько лет Мстислав объявил войну касогам, или нынешним черкесам, восточным соседям его области. Князь их Редедя, сильный великан, хотел, следуя обычаю тогдашних времен богатырских, решить победу единоборством. «На что губить дружину? – Сказал он Мстиславу, – одолей меня и возьми все, что имею: жену, детей и страну мою». Мстислав, бросив **оружие на землю**, схватился с великаном. Силы князя Российского начали изнемогать: он призвал в помощь Богородицу, низвергнул врага и зарезал **его ножом**. Война кончилась: Мстислав вступил в область Редеди, взял семейство княжеское и наложил дань на подданных» [5, кн. 2, гл. 2, с. 190].

Ш.Б. Ногмов: (ранее: ...могучий великан Редедя...) «Тамтаракайцы вышли к ним навстречу с своим ополчением; когда обе армии сблизились, Редедя, по обычаю тогдашних времен захотел решить участь войны единоборством. Он стал просить у Тамтаракайского князя бойца и говорить ему <...> «чтобы не терять с обеих сторон войска, не проливать крови и не разрывать дружбы, одолей меня и возьми все, что имею». Князь тамтаракайский согласился и не стал искать в своем войске единоборца, а пошел сам на вывоз великана. Противники сняли с себя оружие, положили его на землю и начали борьбу, продолжавшуюся несколько часов. Наконец Редедя пал, и князь поразил **его ножом**. Происшествие это прекратило войну, и адыгейцы возвратились в отечество, более сожалея о потере лучшего воина, чем о неудаче предприятия» [8, гл. 5, с. 101–102].

Н.М. Карамзин: «Сей князь, возмужав, думал единственно о подвигах великодушной храбрости, пылал ревностью отличить себя делами и возобновить славу оружия российского, столь счастливого при Ольге; собрал войско многочисленное и с нетерпением юного героя летел в поле. Там суровую жизнь он укрепил себя для трудов воинских, не имел ни стана, ни обоза; питался кониной, мясом диких зверей и сам жарил его на углях; презирал хлад и ненастье северного климата: не знал шатра и спал под сводом неба: войлок подседельный служил ему вместо мягкого ложа, седло изголовьем. Каков был военачальник, таковы и воины. – Древняя летопись сохранила для потомства еще прекрасную черту характера его: он не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну народам, повелевая сказать им: Иду на вас! В сии времена общего варварства гордый Святослав соблюдал правила истинно рыцарской чести.

Берега Оки, Дона и Волги были первым театром его воинских, счастливых действий. Он покорил...» [5. Т. 2, гл. 7, с. 134].

Ш.Б. Ногмов: «Кабардинский князь Темрюк Маремшаевич Идаров, выйдя из юношеского возраста, помышлял единственно о подвигах великодушной храбрости. Душа его пылала желанием прославить себя воинскими подвигами и возобновить древнюю славу адыгейского народа, жившего спокойно под управлением своих старшин и старшего брата его, князя Кемиргоко. Желая напасть на татар, он собрал многочисленное войско, и юное его сердце рвалось с нетерпением на поле брани. Он давно уже приготовился к перенесению воинских трудов. Он презирал удовольствия роскоши, никогда не имел палатки и спал под открытым небом на войлоке, а под голову клал седло. Он питался конским мясом и сам жарил его на углях. Каков был предводитель, таково было и войско. Гекуоки сохранили для потомства еще одну прекрасную черту его характера: князь Темрюко Идаров не хотел пользоваться

выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну своим неприятелям. Он посылал сказать им: иду на вас».

В эти времена варварства гордый Темрюк наблюдал справедливость и законы рыцарской чести своего народа.

Берега Волги и Дона были первым поприщем его подвигов. Он покорил...» [8, гл. 7, с. 121].

Список использованной литературы:

1. Боук М.Б. Заимствования из Карамзина в «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1996 год. Материалы науч.-практ. конф. Краснодар, 1997. С. 66–69.
2. Бутков П.Г. Вести черкеса о князьях русских Святославе и Мстиславе // Северная пчела. СПб., 1850. 5 мая, № 99. С. 595–596.
3. Гарданов Б.А. Об этнографических описаниях в «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 32. М., 1959. С. 8–17.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 т. Т. 1. М., 1989.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4 кн. Ростов н/Д, 1997.
6. Кешев А-Г. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзиным Ногмовым // Каламбий (Кешев А-Г.). Записки черкеса: Повести, рассказы, очерки, статьи, письма. Нальчик, 1988.
7. Миллер В. Рецензия на «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. XII // Журнал Министерства народного просвещения, 1891. Ч. 277. Сент. С. 204–215.
8. Ногмов Ш. История адыгейского народа. Нальчик, 1994.
9. Шортанов А.Т. Ногмов как фольклорист и историк // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX в. Материалы конф. 28–29 марта 1974 г. Нальчик, 1976. С. 63–75.
10. Шортанов А.Т. Редада и Мстислав // Филологические труды: (Фольклор и литература). Нальчик, 1977. С. 3–42.